

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ЧУДОВИЩНО

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

ЧИКАТИЛ
ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 343.953
ББК 67.51
Г75

Дизайн обложки — Евгений Юрканцев

Гравицкий, Алексей Андреевич.

Г75 Чикатило. Зверь в клетке / Алексей Гравицкий, Сергей Волков. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. — (Книги, о которых говорят).

ISBN 978-5-04-209976-2

В продолжении истории о двойной жизни самого известного маньяка Советского Союза вы узнаете о том, как следователям удалось разоблачить подражателя «Ростовского потрошителя», вычислить неуловимого преступника и как проходил судебный процесс над Андреем Чикатило.

УДК 343.953
ББК 67.51

© А. Гравицкий, С. Волков,
текст, 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-209976-2

*Роман основан на реальных событиях.
Из уважения к чувствам живущих и памяти
погибших имена действующих лиц изменены.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	9
Часть I	13
Часть II	57
Часть III	115
Часть IV	175
Часть V	229
Часть VI	283
Часть VII	331
Часть VIII	385
<i>Послесловие</i>	437

ПРОЛОГ

1992 год

Зал суда был полон — яблоку негде упасть. Люди сидели, стояли в проходах и возле стен, толпились в коридоре. Судья, немолодой уже мужчина в строгом костюме, сидел на возвышении в кресле с высокой спинкой, листал папку с материалами дела.

Напротив, там, где обычно находилась скамья подсудимых, стояла металлическая клетка, а внутри нее, возле микрофона, сидел осунувшийся бритый наголо мужчина в очках в роговой оправе.

Мужчина не выглядел угрожающе, от такого не ждешь чего-то опасного. Но не было ни в этом зале, ни в этом городе человека страшнее его.

— Подсудимый, среди ваших жертв двадцать один мальчик. — Голос судьи звучал глухо и неприязненно, несмотря на то что суду полагается быть беспристрастным. — Почему вы так часто выбирали мальчиков?

— Все равно, — лениво отозвался подсудимый. — Я и женщинам предложения делал.

— В материалах дела сказано, что вы вырезали у своих жертв органы. Как поступали с вырезанными органами после?

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

— Разбрасывал по дороге, затапывал, смешивал с грязью — ничего не соображал, — человек в клетке сказал это обыденным тоном.

В зале стояла гнетущая атмосфера. Люди — в большинстве своем родственники жертв — были подавлены и обозлены, и ответы подсудимого еще сильнее будоражили их.

— А вещи жертв? Деньги, часы, украшения?

Человек в клетке в одно мгновение оживился и вскочил в праведном гнев.

— Конечно, выбрасывал, втапывал в землю! — затараторил он возмущенно. — Я вам не жулик какой.

— Вы никогда не задумывались, что жертвам больно? Неужели, убивая мальчиков, ни разу не подумали о своем сыне?

Но подсудимый уже не слушал, его оскорбило предположение, что он мог позариться на чужие вещи.

— Я не вор какой-нибудь! — негодовал он, игнорируя новые вопросы судьи. — Я честный человек!

— Повторяю вопрос...

— Я пришел сюда на свои похороны! — не унимался человек в клетке, перебив судью. — Все меня ненавидят! А вы успешно сами себе вопросы задаете и сами на них отвечаете. Оставьте меня в покое...

По залу прошел ропот, но подсудимого это, кажется, нисколько не взволновало. Он бормотал теперь что-то малоразборчивое под нос и суетливыми движениями расстегивал рубаху на груди.

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

Ропот усилился. Судья похлопал ладонью по столу, призывая всех к порядку. Но остановить недовольство в зале было уже не так просто. Да и человек в клетке повысил голос настолько, что теперь значение его невнятного бормотания прояснилось — это были слова «Интернационала»:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Подсудимый кричал уже в полный голос, распахивая рубаху на груди:

Весь мир насилия мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был никем — тот станет всем!

— Закройте рот, подсудимый! — повысил голос судья. — В газетах пишут, что вы ненормальный! А вы — нормальный!

Словно пытаясь оспорить это утверждение, подсудимый спустил штаны, раскинул в стороны руки и застыл перед судом со спущенными штанами и обнаженным членом.

Напрасно судья стучал по столу, призывая к порядку. Люди в зале возмущались, а тот, кто вызвал это возмущение, продолжал кричать:

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

— Выведите подсудимого из зала суда, — рявкнул судья, отчаявшись добиться порядка.

Конвоиры бросились открывать замок. Мешая друг другу, попытались одновременно натянуть на подсудимого штаны и вытащить его из клетки. Но тот лишь извивался, продолжая фальшиво выкрикивать слова «Интернационала»:

С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Под негодующие крики конвоиры выволокли наконец подсудимого из клетки, завернули ему руки за спину и потащили к расположенной рядом лестнице, которая уходила во тьму, словно в преисподнюю.

Человека из клетки увели, затих где-то далеко внизу «Интернационал», но в зале спокойнее не стало. Люди негодовали. Процесс шел уже несколько недель, но до финала было еще далеко.

На дворе стоял тысяча девятьсот девяносто второй год. Человека в клетке звали Андрей Романович Чикатило.

ЧАСТЬ I

1992 год

Несколькими месяцами ранее народу в зале заседания суда было столько же, но настроение царило другое: было меньше усталости, а вот ненависти и слез, пожалуй, побольше. Судья тогда выглядел спокойнее. Только сам Чикатило не изменился: он сидел в клетке с тем же скучающим видом.

— Подсудимый Чикатило, вернемся к восемьдесят шестому году, — сказал судья. — В том году вы не совершили ни одного убийства. С чем это связано?

— Незачем было, — Чикатило лениво зевнул, неприятно раззявив рот и не пытаясь прикрыть его.

— Говорите в микрофон.

— У меня был подъем в работе, — подсудимый нехотя придвинулся к микрофону. — В честь пятидесятилетия приветственный адрес¹ мне вручили. Дома все хорошо было. Нормальная психика была.

¹Приветственный (поздравительный) адрес — послание сотруднику предприятия в связи с празднованием персональных или публичных памятных дат или праздников, в котором выражаются благодарности и пожелания получателю. (Прим. ред.)

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

— Значит, вы могли сдерживать свои порывы?
Чикатило не ответил, лишь криво растянул губы в ухмылке.

* * *

Чикатило соврал. Далеко не все хорошо складывалось у него в восемьдесят шестом году. Нет, на работе и в самом деле был подъем, и юбилей прошел чудесно. Вот только дома наметился разлад.

А началось с того, что из Ростова-на-Дону после сдачи экзаменов приехала дочь Людмила. Родители встретили ее с радостью, Фаина тут же принялась за готовку, а Чикатило прохаживался рядом, поторапливая жену народной мудростью: «Все, что есть в печи, на стол мечи». Вот только сама Люда все больше хмурилась и была чем-то глубоко озабочена. Матери она отвечала все больше невпопад, отцу не отвечала вовсе.

Ближе к обеду выяснилось, что в доме нет хлеба, и Чикатило отправился в булочную на углу, где, по его словам, «нарезной» всегда свежий. Фаина не стала дожидаться возвращения мужа, усадила детей обедать. Юрка уминал котлеты за обе щеки, Люда же, напротив, была притихшая и вяло ковыряла вилкой в тарелке.

— Людочка, а ты почему ничего не ешь? — забеспокоилась Фаина. — Я вот синенькие сделала, как ты любишь... Или экзамены плохо сдала?..

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

— Мама! Экзамены я нормально сдала... Тут другое...

— Что?

— Потом скажу, — Людмила зыркнула на брата и потупилась.

Юрка ничего не заметил. Он первым доел, шумно поднялся из-за стола и, положив тарелку в раковину, бросил на ходу:

— Мам, спасибо. Я пошел! Отцу привет, когда придет!

Он вышел из кухни, повозился в прихожей, было слышно, как он одевается. Хлопнула входная дверь, и все стихло.

Дождавшись, когда они останутся наедине, Фаина вопросительно посмотрела на дочь.

— Мне такое рассказали... — Людмила смотрела в тарелку, боялась поднять глаза. — У нас в абитуре девочка была... Она у отца училась, когда он в школе работал. Как фамилию мою узнала...

Людмила замолкла, а потом решительно подняла взгляд и пристально посмотрела на мать:

— Мам, а папа... он извращенец, да? Его за это из школы выгнали?

Вопрос полоснул, словно плетью, повис в воздухе. Фаина поджала губы. Не думала она, что когда-нибудь еще заговорит с кем-то на эту тему. Тем более с дочерью.

— Господи, опять это вранье... — процедила Фаина сквозь зубы. — Не выгнали его. Он сам заявление написал!